

4 ИЮН 1980

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАЗЕТА

г. МОСКВА

В рабочей пушкинской тетради с черновиками «Полтавы», на листе, где оканчивается черновик стихотворения «Рифма, звучащая подруга...», привлекает внимание крупный рисунок. Он изображает, как отмечено в пушкинноведческой литературе, «украинского казака, острогоносного в кружок, с длинными отвисшими усами». Портретного значения за рисунком не признавалось, а по местоположению своему в тетради — среди черновинов «Полтавы» — рисунок и вправду воспринимается поначалу как непосредственно связанный с работой над текстом поэмы. То ли своего рода эскиз типичного характера, то ли возникший по прямой аналогии с текстом «Полтавы» образ одного из литературных персонажей. Иллюстративность, как известно, не чужда была графике Пушкина, и сюжет «Полтавы», его историко-этнографические истоки не только должны были, но и в действительности отразились в рисунках на черновиках поэмы.

Однако рисунок, о котором в данном случае идет речь, не является такого рода твор-

* ПД, тетрадь 838, лист 25, оборот.

чеством Пушкина-художника. Этот рисунок — портрет. И портрет, замечательный по точности передачи лица портретируемого — поэта-декабриста Александра Одоевского, автора знаменитого поэтического ответа («Струн вещей пламенные звуки...») на послание Пушкина к сосланным декабристам («Во глубине сибирских руд...»).

Нет нужды цитировать «костоматинное» стихотворение Одоевского, из Читинского острога сибирской каторги уверившего первого поэта России: «Своей судьбой гордимся мы». Но невозможно и на этот раз удержаться от восхищения бесподобным умением Пушкина в одномоментном, беглом наброске лица, иногда, может быть, лишь единожды виденного в жизни и много времени спустя воспроизведенного по памяти, передать самое характерное, то духовно особенное, что присуще только живому взгляду живого человека.

До нас не дошло документальных свидетельств о личных общениях Пушкина с Одоевским. Но это отнюдь не означает, что они не встречались друг с другом. Общий круг знакомых, те же гостиные светского Петербурга, та же среда прогрессивно мыслящей молодежи столицы...

«ОН БЫЛ РОЖДЕН... ДЛЯ ТЕХ НАДЕЖД»

АРХИВ «ЛГ»

2207

НОВОЕ О РИСУНКАХ ПУШКИНА

А. И. Одоевский был родственником и другом Грибоедова, называвшего его своим «питомцем», «кротким, умным, прекрасным Александром». В 1825 году Одоевский дружно сблизился с Кюхельбекером, с которым и поселился даже вскорее на одной квартире. Много позже, переведенный из Сибири рядовым на Кавказ, Александр Одоевский познакомился и подружился там с Лермонтовым, посвятившим его памяти большое стихотворение, где писал о безвременно умершем друге:

Он был рожден для них,
для тех надежд,
Поэзии и счастья...
И чуть далее:
В толпе людской
и среди пустынь
бездонных

В нем тихий пламень чувства не угас:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детских смех,
И речью живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

- А. И. Одоевский. Литография. С акварели Н. А. Бестужева.
- Рисунок А. С. Пушкина (портрет А. И. Одоевского).

Этим лермонтовским строкам близок отзыв об Александре Одоевском декабристов — товарищей его по сибирской каторге: «Одоевский — ангельской доброты. Пиит и учен; знает почти все главные европейские языки. По богатству был в Петровском остроге в числе тамошних

магнатов. Несмотря на богатство, он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего».

Рисунок Пушкина, находящийся в рукописях 1828—1829 гг., несет черты несомненного сходства со всей практически известной нам иконографией А. И. Одоевского. Но почему все-таки волосы на портрете «в кружок»? И длинный, до подбородка свисающий ус? Ведь не носил же на самом-то деле блестящий столичный конногвардейский офицер князь Одоевский усы и прическу украинского казака! Не носил, разумеется. Но рисовал же себя поэт на одном из черновинов в конском обличье. Этот удивительный автопортрет, недавно опознанный нами, может служить своего рода ключом к отгадке подобных «мистификаций» Пушкина.

Двуединность природы пушкинского рисунка, органичность слияния в его авторе художника и поэта, «примечательного» на себя или какое-то другое лицо художественные образы, еще только долженствующие явиться на свет, объясняют эти «странности», а точнее, особенности пушкинской графики. Удивительно ли, что портрет, нарисованный Пушкиным среди черно-

виков «Полтавы», обрел некие малороссийские реалии, затруднившие, естественно, его отождествление с Одоевским?

Не должно смущать нас и появление портрета в рукописях 1828—1829 гг. Не забудем, что где-то в это время поэт узнал стихотворный ответ Одоевского на послание свое к декабристам в Сибирь, и не забудем, что именно в черновиках «Полтавы» находятся знаменитые рисунки Пушкина, посвященные, если можно в этом случае так выразиться, казни декабристов. Страшные рисунки, говорящие о неотступных мыслях поэта о декабристах, об их судьбах и мученичестве, ими принятых. Эти рисунки давно известны. А вот рисунки в начале «полтавской» тетради (лист 3) — такие же, как и Одоевского, профильные карандашные портреты «открыты» недавно (см. «Огонек», № 23, 1979). Это портреты декабристских друзей поэта — «государственного преступника» князя Сергея Григорьевича Волконского и товарища Пушкина Николая Раевского-сына. Не случайное, надо думать, и знаменательное «сближение»... Целый графический декабристский цикл!

Лариса КЕРЦЕЛЛИ